

УДК 930.85

**РЕЦЕНЗИЯ НА: ФРУМКИН К.Г. ЛЮБОВАНИЕ УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ:
ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ЛИТЕРАТУРЕ,
ИСКУССТВЕ И ПУБЛИЧНОЙ РИТОРИКЕ. М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2022. 352 С.**

Монография К.Г. Фрумкина «Любование ученым сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике»¹ опубликована издательством «Нестор-История» при Санкт-Петербургском Институте истории РАН, специализирующимся на выпуске литературы исторической и культуроведческой направленности. Она уже привлекла интерес читателей и рецензентов как пример исследования, где предложен «каркас совершенно новой теории», но при этом «градус интриги автор поддерживает почти детективный», а текст книги написан «живо, азартно, без академического волапюка»².

Диапазон научных интересов кандидата культурологии К.Г. Фрумкина, лауреата Литературной премии имени Александра Беляева (2009), координатора Ассоциации футурологов, сопредседателя клуба любителей философии ОФИР и члена Ассоциации исследователей фантастики (АИФА), впечатляюще широк: он охватывает футурологию³ и проблемы исторической памяти⁴; историю драматургии⁵ и историю научно-фантастической литературы⁶; историю научно-философских идей и анализ актуальных идеологических дискурсов⁷. В этом многообразии отчетливо выделяется стержневая тема работ К.Г. Фрумкина – образ будущего в человеческой культуре, представления людей о желаемой и возможной эволюции социальных отношений, эволюции технологий и отношений человека с природой, наконец, эволюции морали и ценностей. Футурология, научная фантастика, разнообразные социальные и биосоциальные утопии интересны К.Г. Фрумкину прежде всего как опыты поиска человеком своего места

в меняющемся мире. Исследование, посвященное «ученому сословию», органично вписывается в эту картину: на протяжении всего Нового и новейшего времени наука играла весьма существенную роль в формировании образа будущего.

По своей проблематике монография К.Г. Фрумкина соответствует тому актуальному направлению в современной истории науки, которое можно охарактеризовать как «рефлексивный поворот», воплощение потребности ученого сообщества в самоанализе и самопознании. Вслед за Р. Мёртоном, Р. Коллинзом и другими ведущими социологами и антропологами науки современные ученые ведут дискуссии о том, как устроено научное сообщество, с помощью каких социальных институтов продуцируются и транслируются научные знания, каковы мотивация и ценностно-нормативные регуляторы научной деятельности⁸. Все эти проблемы рассматриваются в работе К.Г. Фрумкина.

При этом монография «Любование ученым сословием» необычна своей исследовательской оптикой: ее автор исследует научный мир не «напрямую», а сквозь призму художественных образов; К.Г. Фрумкина интересует то, как мир науки был отражен в литературе, искусстве и пропаганде советской эпохи. Как полагает автор, исследуя образы ученых и научной среды в общественном сознании, мы можем понять, какие запросы предъявляло науке общество и государство на том или ином этапе – и насколько эффективно, с точки зрения современников, наука отвечала на эти запросы.

В центре внимания К.Г. Фрумкина – не столько наука, сколько «наукоориентиро-

ванная культура»; этот термин введен автором по аналогии с литературоведческими понятиями, характеризующими жанровую специфику советской литературы: «деревенская проза», «производственный роман», «лейтенантская проза». Под наукоориентированной культурой К.Г. Фрумкин понимает «произведения литературы и искусства, посвященные науке... как особой социальной деятельности»⁹, повествующие о работе ученых и тематически заостренные на социально-антропологических аспектах их профессиональной деятельности.

Здесь автор открывает поистине необъятное поле для анализа: под определение наукоориентированной прозы подпадают такие значимые для отечественной культуры произведения, как «Открытая книга» В.А. Каверина, «Русский лес» Л.М. Леонова, «В круге первом» А.И. Солженицына, «Иду на грозу» Д.А. Гранина, «Не хлебом единым» и «Белые одежды» В.Д. Дудинцева; не остаются вне зоны внимания автора и фантастические произведения об ученых – к примеру, «Собачье сердце» М.А. Булгакова или «Понедельник начинается в субботу» братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких. Отдельная глава исследования посвящена «научной поэзии» – от метафизического осмысления научных открытий в поэзии Николая Заболоцкого, Арсения Тарковского, Леонида Мартынова до сатирических песен Владимира Высоцкого и Тимура Шаова о «товарищах ученых»¹⁰. Предметом авторского анализа становятся также живописные полотна и кинофильмы, посвященные научному труду и повседневной жизни ученого сообщества – от патетического «Депутата Балтики» (1936) до сатирической «Блондинки за углом» (1983); репродукции картин и кадры из фильмов, воспроизведенные в приложении к тексту, выразительно дополняют авторское повествование. Один только перечень анализируемых произведений литературы и искусства, тщательно структурированный по жанрам – «проза», «научная фантастика», «драматургия», «поэзия», «мемуары и документальная проза»,

«кино», «портреты» и «жанровые картины», – занимает в монографии восемь страниц, и это, безусловно, свидетельствует не только об исследовательской добросовестности автора, но и о том, что наукоориентированные произведения действительно составляли мощный пласт советской культуры.

Чем же, по мнению К.Г. Фрумкина, объясняется такое внимание к миру ученых в советской культуре?

Сам феномен «наукоориентированной культуры», как доказывает автор, является характерной чертой XX века: великие научные открытия и технические изобретения вызвали рост общественного интереса к работе ученых и сформировали убеждение, что наука способна изменить облик мира, стать подлинным «двигателем прогресса», причем не только технического и экономического, но и социального. Вера в преобразующую мощь науки задавала высокую планку общественных ожиданий – подчас явно завышенных и нереалистичных: «покорение природы», изменение земного ландшафта и климата, колонизация Вселенной, победа над стихийными бедствиями, голодом, болезнями – и в конце концов над самой смертью.

Эти ожидания «научных чудес» коррелировали с советским коммунистическим проектом; вера в науку и вера в светлое коммунистическое будущее естественным образом дополняли друг друга. Однако, как показывает К.Г. Фрумкин, советское государство и официальная идеология долго выстраивали собственную модель взаимоотношений с научным миром – и этот процесс, далеко не линейный и не безоблачный, отражался в художественной культуре эпохи, воздействовал на дискурс и на образный ряд наукоориентированных произведений.

В монографии К.Г. Фрумкина выделено три крупных раздела. Первый из них посвящен основным вехам социальной истории российской науки в XX веке и их отражению в публичной культуре; второй и третий разделы – «Антропология науки» и «Экономика и социология науки» – содержат анализ

важнейших особенностей образа ученого и научного сообщества в отечественной художественной культуре.

В первом разделе монографии текст организован как классический нарратив: читатель вместе с автором движется по хронологической оси, прослеживая, как от десятилетия к десятилетию в публичной риторике и культуре изменялось отношение к науке. К.Г. Фрумкин находит свое емкое, запоминающееся определение для каждого периода в истории отечественной науки и ее художественных рецепций. Исходной точкой исследования становится проблема «оторванности науки от жизни», остро поставленная в дореволюционной культуре – у А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Андреева. Центральной фигурой наукоориентированных произведений в тот период была фигура авторитетного ученого, «великого профессора», научный труд изображался как занятие гениальных одиночек, укрывшихся от насущных проблем современности в «башне из слоновой кости», – и это восприятие научного труда, при всех социально-политических пертурбациях, надолго сохранилось и в советской культуре. Период послереволюционной разрухи, дезорганизации научных учреждений, существования ученых на грани физического выживания (1917-1924) охарактеризован в монографии как «царство смерти»; произведения о жизни ученых, созданные в то время, были проникнуты ощущением «бытового и экзистенциального катастрофизма»¹¹. Однако это была не «смерть» научного сообщества и наукоориентированной культуры, а начало кардинально нового этапа их истории.

Ключевым понятием при описании эпохи «раннего сталинизма» (1925-1940) у Фрумкина становится метафора «барской любви» советского государства к науке: с началом индустриализации наука интегрируется в систему плановой экономики, превращается в престижную и хорошо финансируемую отрасль, переживает небывалый институциональный и кадровый рост, но, поставив науку себе на службу,

государство требует взамен не только политической лояльности, но и немедленных, осязаемых практических результатов. Кульминация политики «кнута и пряника» в отношениях государства к науке наступила в период «позднего сталинизма» (1941-1953): феномен «лысенковщины» и гонений на генетику, как трактует его Фрумкин, был порожден прежде всего завышенными, нереалистическими ожиданиями «научных чудес», верой в возможность неограниченного управляемого воздействия на живую материю, стремлением любой ценой «догнать и превзойти» достижения зарубежной науки – и беспощадно покарать всех тех, кто скептически относится к подобным «чудесам». Накаленная общественная атмосфера той эпохи, когда от ученого постоянно требовали делать верный политический выбор, отразилась и в художественных произведениях, где формируются два антагонистических образа: «великого ученого», ставящего свой талант на службу народу (как И.П. Павлов, И.В. Мичурин, К.А. Тимирязев), и «ученого-вредителя» (как вариант – теоретика-консерватора, «оторванного от жизни», которому противостоит энергичный новатор-практик).

«Золотым временем» советской науки, как пишет К.Г. Фрумкин (и трудно с ним в этом не согласиться), стали «большие шестидесятые» (1954-1970) – период научно-технического прогресса, время стремительного разрастания многочисленных отраслевых научно-исследовательских институтов, когда научные учреждения становятся привычной частью городского ландшафта, а «у любого советского человека появилось куда больше шансов столкнуться с ученым в жизни»¹². Именно в этот период, по мнению К.Г. Фрумкина, в советской наукоориентированной культуре происходит важнейший внутренний перелом: изменяются представления о характере научного труда. В центре наукоориентированной культуры 1960-1970-х гг. – уже не творчество гениальных ученых-затворников, а жизнь научного коллекти-

ва, вузовской кафедры, лаборатории или научно-исследовательского института (условного «НИИЧаВо») как малого социума. Сущность этого социокультурного перелома наглядно показана автором монографии с помощью иллюстративного ряда: если в отечественном изобразительном искусстве первой половины XX века тема науки представлена в основном портретами выдающихся ученых (Д.И. Менделеева, И.П. Павлова и других), то в искусстве второй половины столетия на смену портретам приходят типовые жанровые полотна с изображением групп людей в белых халатах, склонившихся над приборами в лаборатории или оживленно дискутирующих на фоне исписанной формулами доски. При этом общество по-прежнему ждет от науки великих достижений и преобразования мира – показателем этого становится расцвет научной фантастики в 1960-е гг.

Важной темой исследования становится история кризиса отечественной наукоориентированной культуры. Начало этого кризиса автор относит к «концу прекрасной эпохи» (1971-1985), когда темпы научно-технической революции замедляются, научное сообщество вступает в пору старения и профессионального выгорания, общество постепенно разочаровывается и перестает ожидать новых научных «чудес», а художественное изображение взаимоотношений в научной среде становится все более критичным. Наконец, новейший период в истории наукоориентированной культуры (1986-2000) автор характеризует как «жизнь после смерти» или «время воспоминаний и мифов»: в литературе и кинематографе наука становится прежде всего мемориальной темой, опыт советской эпохи остается предметом напряженной рефлексии, но актуальная научная жизнь и современное научное сообщество больше не являются сколь-либо востребованной темой художественных произведений.

Возможно, причины охлаждения общества и культуры к науке следует искать не только во внешних социальных факторах,

но и во внутренних проблемах самого научного сообщества? Чтобы ответить на этот вопрос, во втором и третьем разделах своей монографии автор обращается к «свидетельским показаниям» – к ключевым темам и лейтмотивам наукоориентированных произведений поздней советской эпохи, которые дают возможность сделать важные выводы об антропологии, экономике и социологии советского научного мира. Для диахронического анализа автор выбирает произведения литературы и кинематографа 1950-1980-х гг., поскольку, по его словам, в этот период «литература и искусство становятся гораздо честнее, на них влияет в большей степени не социальная идеология, а общественное мнение интеллигенции, мнения самой научной среды»¹⁵.

На основе анализа художественных произведений К.Г. Фрумкин делает вывод, что советскому искусству был свойствен романтический культ ученого-творца, а к ученому предъявлялись самые высокие морально-этические требования: чтобы выполнить свою великую социально-преобразующую миссию, он должен быть бескорыстным служителем науки, «вечным юношей», пламенным энтузиастом, готовым на самопожертвование ради научных открытий (как в известном советском фильме «Девять дней одного года»). По сути дела, доказывает Фрумкин, образ ученого в советской культуре носил не столько эмпирический, сколько нормативный характер, приближаясь к эталону человека будущего, «сознательного строителя коммунизма» (не случайно в «мирах Полудня» братьев Стругацких все жители коммунистического общества – ученые-исследователи, каждый в своей сфере).

При этом, как показывает Фрумкин, в культуре позднего советского периода романтическое восприятие научного труда уживалось со вполне реалистическим, трезвым и критичным взглядом на социальные конфликты и противоречия, свойственные научной среде. В литературе и фильмах об ученых, созданных в послевоенный период, нашли отражение такие проблемы научно-

го сообщества, как иерархизм, «старение» научной среды и замедление карьерного роста молодых ученых, противоборство «настоящих ученых» с плагиаторами и карьеристами, гендерное неравенство. Фрумкин подробно исследует такой парадокс советской научной иерархии, отраженный в наукоориентированных романах, как назначение видных ученых на руководящие должности, которое приводило к их постепенному превращению в «бывших ученых», загруженных административными обязанностями и лишь имитирующих исследовательскую активность, в частности, путем «принудительного соавторства» со своими подчиненными.

От анализа феноменов советской культуры автор монографии переходит к рекомендациям, актуальным и для современной науки: решением проблемы, с точки зрения Фрумкина, могло бы стать внедрение в научную среду квалифицированных менеджеров и освобождение ученых от административного труда¹⁴. Однако, по нашему мнению, «квалифицированный менеджмент» в научной среде тоже не является панацеей – как показывает недавний опыт реформирования научных и высших образовательных учреждений, менеджменту зачастую свойственна погоня за чисто формальными, количественными показателями эффективности научного труда.

Исследование К.Г. Фрумкина, как любой основательный научный труд, позволяет поставить целый комплекс новых вопросов. На карте советской наукоориентированной культуры, тщательно начерченной автором, все же остаются свои «белые пятна». Так, не нашла отражения в монографии проблема взаимоотношений учителя и ученика в научном мире, хотя эта тема, безусловно, важна для самосознания научного сообщества и богато представлена в художественной литературе; по нашим наблюдениям, трактовки взаимоотношений Учителя и ученика в советском секулярном искусстве отчетливо восходят к евангельскому тексту с его галереей персонажей (верный ученик, амби-

циозный ученик, сомневающийся ученик, ученик-предатель и т.д.) – что дает пищу для важных культурологических размышлений.

Таким образом, автор монографии «Любование ученым сословием» объединяет в одном исследовательском поле культурологическую и науковедческую проблематику; авторская концепция важна для понимания специфики советской художественной культуры и внутренней логики развития отечественной науки. Эту монографию с большим интересом прочтет и представитель научного сообщества, и «любопытный читатель», хорошо знающий советскую культуру. Но, пожалуй, ценнее всего в ней то, что поставленные автором вопросы обращены не только к недавнему прошлому – наблюдения и выводы К.Г. Фрумкина стимулируют научную рефлексию, побуждают размышлять о функциях науки в современном обществе, о проблемах организации научного труда и взаимоотношений в научной среде и, наконец, об экзистенциальном смысле научной работы как одной из форм человеческого бытия в мире.

*Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры российской истории
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
О.Б. Леонтьева*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрумкин К.Г. Любовь ученым сословием: отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

² Владимирский В. Баллада о сверхобычном человеке: Константин Фрумкин изучил трансформацию образа ученого в советской литературе и искусстве // Санкт-Петербургские ведомости. 2022. 21 сентября. № 176 (7259).

³ Фрумкин К.Г. Что будет после капитализма? Попытки ответа на старый вопрос // Новый мир. 2013. № 2. С. 148-169; Фрумкин К.Г. После капитализма: Будущее западной цивилизации. М.: Алгоритм, 2014.

⁴ Фрумкин К.Г. Дискурс для Холокоста: полити-

- ческое зло и историческая память // Историческая экспертиза. 2019. № 2(19). С. 9-25.
- ⁵ Фрумкин К.Г. Сквозные мотивы русской драматургии: От Грибоедова до Эрдмана. М.; СПб.: Нестор-История, 2018; Фрумкин К.Г. Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов. 2-е изд., стер. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
- ⁶ Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: УРСС, 2004; Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17-28; Фрумкин К.Г. Советская фантастика как ипостась коммунистической утопии // Историческая экспертиза. 2020. № 2 (23). С. 239-256.
- ⁷ Фрумкин К.Г. Пассионарность: приключения одной идеи. М.: ЛКИ, 2008; Фрумкин К.Г. Бес-
- смертие: странная тема русской культуры // Новый мир. 2012. № 4. С. 129-152; Фрумкин К.Г. Природные катаклизмы в идеологическом и политическом измерении // Свободная мысль. 2021. № 1. С. 147-162.
- ⁸ См.: Мёртон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. М.: АСТ, 2006; Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- ⁹ Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием. С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 151-162.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Там же. С. 105.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 258-263.

**REVIEW ON: FRUMKIN, K.G. ADMIRING THE SCIENTIFIC ESTATE:
REFLECTION OF THE SOCIAL HISTORY OF SOVIET SCIENCE
IN LITERATURE, ARTS AND PUBLIC RHETORIC.
MOSCOW; S.-PETERSBURG: NESTOR-ISTORIJA, 2022. 352 P.**

*Doctor of History, Associate Professor,
Professor at the Department of Russian History,
Institute of Humanities and Social Sciences,
Samara National Research University
named after academician Sergey Korolev
O.B. Leontieva*

Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Главный редактор: Ю.П. Аншаков

Том 4, номер (16), 29.12.2022

Индекс: 36622. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя и редакции – 443001, Самарская область,
г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 640-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 14.12.2022 г.

Офсетная печать

Подписано к печати 29.12.2022 г.

Усл. печ. л. 18,368

Тираж 200 экз.

Формат бумаги А4

Зак. 40

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО» 443070, Самарская область,
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел. 8 (846) 267-36-82